

Социальная эпистемология в условиях глобализации: трансформация общественных метапарадигм в их множественности

М. В. Теплов

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

markteplov21@gmail.com

Аннотация. С позиции социальной эпистемологии рассмотрено функционирование метапарадигм, соотносящее современные общества с их историческими и культурными контекстами. Особый акцент сделан на диалектике взаимодействия западного проекта модерна с незападными обществами, в частности на проблематизации соотношения универсального и партикулярного в депривированных формах обществ. Представлена авторская классификация научно-культурных метапарадигм, уникальных для множества отдельных современных обществ. Установлены ключевые критерии дифференциации этих обществ, в рамках классификации выделены семь метапарадигмальных форм, а также приведена обоснованная типология с наглядными примерами. Показано, как пересмотр подходов к пониманию парадигм в современных обществах открывает новые горизонты для понимания социокультурной и политической динамики развития этих обществ.

Ключевые слова: философское знание, социальная эпистемология, модерн, множественность моделей, общественные метапарадигмы, универсальное, партикулярное, политическая философия

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Теплов М. В. «Социальная эпистемология в условиях глобализации: трансформация общественных метапарадигм в их множественности». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.3 (2025): m07s04a10. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-3-m07s04a10> EDN: YAGPWU.

Original article

Social epistemology in the context of globalization: Transformation of the public metaparadigms in their multiplicity

M. V. Teplov

State University of Education, Moscow, Russia

markteplov21@gmail.com

Abstract. In this work, the functioning of a metaparadigm that relates modern societies to their historical and cultural contexts is considered from the point of view of social epistemology. Special emphasis is placed on the dialectical interaction of the Western project of modern with non-Western societies, in particular on the problematization of the relationship between the universal and the particular in the deprived forms of society. The author's own classification of scientific and cultural metaparadigms, unique to many individual modern societies, is presented. Key criteria for the differentiation of these societies have been established, seven metaparadigmatic forms have been identified in the classification, as well as a justified typology with illustrative examples is given. It is shown how the revision of approaches to understanding paradigms in modern societies opens new horizons for understanding the sociocultural and political dynamics of these societies.

Keywords: philosophical knowledge, social epistemology, modern, models multiplicity, social metaparadigm, universal, particular, political philosophy

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Teplov M. V. "Social Epistemology in the Context of Globalization: Transformation of the Public Metaparadigms in Their Multiplicity". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.3 (2025): m07s04a10. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-3-m07s04a10>

Введение

Трансформация общественных метапарадигм в условиях глобализирующегося мира требует эпистемологического переосмысления знаний академического мейнстрима в области фундаментальных структур понимания и моделирования мира, с учетом новых региональных, идеологических и культурных различий. Направляя внимание на процессы и формы преобразования социальных и интеллектуальных метапарадигм под воздействием множества интерпретаций, обусловленных глобальными общественно-культурными трансформациями, поставим задачу проанализировать устой-

чивость модерна как доминирующей интеллектуальной и социально-политической рамки, а также выявить вариативность его проявлений в зависимости от культурных, идеологических и политических контекстов отдельных обществ.

Эпоха модерна, характеризующаяся стремлением к абсолютному прогрессу и рациональному осмыслению мира, в большинстве стран подошла к концу. С переходом в постмодерн происходит децентрализация знаний и отход от модернистских концепций, а появление метамодерна лишь усиливает эту неопределенность, отдельные общества проходят уникальные для каждой

© Теплов М. В.

страны стадии, где каждая парадигма становится лишь одной из множества возможных нелинейных интерпретаций. Эта динамика смены форм подтверждает, что устойчивость и универсальность модерна в контексте современной философии требует постоянного переосмысления и критической рефлексии: важно принимать во внимание новые перспективы, которые могут сочетаться и пересекаться, создавая тем самым более сложное понимание современного мира.

Научная разработанность проблемы трансформации метапарадигм в их множественности

Ряд научных работ последних лет демонстрирует повышенный интерес к пересмотру устоявшихся интеллектуальных конструкций под влиянием глобальных изменений. Среди ключевых авторов, исследующих кризис модерна в условиях множественности интерпретаций, можно выделить португальского исследователя социальных движений Boaventura de Sousa Santos (Sousa Santos, 2018), который вводит концепцию «эпистемологии Юга», где «западный когнитивный империализм» претерпевает эрозию, а «приход зрелости эпистемологий Юга» становится неотвратимым. Эпистемология Юга призывает признать легитимность разнообразных форм бытия и познания, бросая вызов монополизму западного рационализма, и особая роль в формировании новых метапарадигм отводится университетам. Университеты создают условия для развития критического мышления, способного распознавать и преодолевать когнитивное доминирование модерна, в целях формирования новых форм социальной справедливости, основанных на уважении к плюрализму знания. Видение университетов как простран-

ства, где происходит взаимное приспособление (mutual adaptation) и симбиоз западного и незападного эпистемологического знания, открывает путь к построению по-настоящему инклюзивной и демократической глобальной интеллектуальной культуры. Проблема устойчивости модерна как метапарадигмы в разных культурных контекстах рассматривается в работах Dipesh Chakrabarty (Chakrabarty, 2021), изучающего деколонизацию знания и множественные траектории современностей. Karsten Schubert¹ исследует демократические метаморфозы в условиях глобализации, обращая внимание на конфликт универсалистских и партикуляристских нарративов.

Концептуальные изменения в социальной эпистемологии под влиянием цифровых технологий и новых медиа анализируются в работах Jonas Ingvarsson (Ingvarsson, 2021), посвященных рассмотрению эволюции публичной сферы, а также у Flávio J. Ávila², изучающего алгоритмизацию социального знания. Со своей стороны, Charles Taylor (Taylor, 2018) предлагает переосмыслить три диагностируемых им «недомогания» модерна — утрату смысла, безудержный инструментальный разум и утрату свободы, которые рассматриваются в качестве структурных симптомов кризиса монопарадигмального режима. Аутентичность в условиях множественности метапарадигм должна пониматься не индивидуалистически, а институционально, она представляет собой не только моральный идеал, но и принцип проектирования — критерий того, насколько целеполагание, рациональность и свободы позволяют субъектам оставаться верными своим «сильным сторонам» при условии взаимного признания множественности парадигм.

¹ Schubert K. “Epistemic Troubles: Identity Politics between Particularism and Universalism”. *Culture Wars Papers* 25 (2022): n. pag. 9 Nov. 2022. Web. 9 Sep. 2025. <<https://www.illiberalism.org/wp-content/uploads/2022/02/Culture-Wars-papers-no.-2-November-2022.pdf>>.

² Ávila F. J. “Algorithmic Governance and the New Epistemic Regimes: When Code Becomes Law”. *Flávio J. Avila*. 2025. Web. 10 Sep. 2025. <<https://jaf.academia.edu/research#masters>>.

Концепция Andreas Reckwitz (Reckwitz, 2020) развивает идеи в следующей градации: эстетизация социальных практик, приводящая к фрагментации культурных кодов; фрагментация культурных кодов и общества сингуляризации, в котором доминирует логика уникальности; радикальная плюрализация метапарадигм. В условиях цифровой среды и постфордистской экономики культурные коды перестают быть устойчивыми структурами, превращаясь в мозаику конкурирующих дискурсов. В результате «традиционные» метапарадигмы уступают место ситуативным конфигурациям смысла, что ставит под вопрос саму возможность формирования общих социальных онтологий.

Формирование новых эпистемологических основ в условиях глобальных неравенств анализируется в контексте экосоциальных изменений в коллективном исследовании (Bogert et al., 2022). Авторы раскрывают, как неолиберальная модель экономического роста, основанная на закономерностях таких социальных явлений, как эксплуатация природных ресурсов и углубление социально-экономического неравенства, порождает необходимость переоценки эпистемологических оснований экосоциальной теории. В условиях глобальных экологических и социальных кризисов происходит дестабилизация традиционных метапарадигм, что требует новых форм знания, интегрирующих принципы устойчивости, социальной справедливости и когнитивного плюрализма. Подобная трансформация эпистемологического знания невозможна без преодоления институциональных барьеров, закрепленных доминирующей парадигмой, а именно: множественность новых эпистемологических подходов формируется как ответ на кризис традиционных метапарадигм, где развивается альтернативная концептуализация взаимоотношений между обществом и природой.

Также исследователи Университета г. Гронинген (Groningen, Нидерланды) рассматривают влияние цифровых трансформаций на публичную интеллектуальную сферу (Verhoef et al., 2021). Традиционные границы между социальными, экономическими и технологическими структурами размываются, формируя новые эпистемологические основания для понимания взаимодействия индивидов, организаций и цифровых экосистем. Современное состояние культуры и науки характеризуется «множественностью онтологий цифрового пространства» — переходом от линейных моделей цифровизации к полицентричным сетям, где данные, алгоритмы и пользователи взаимодействуют в рамках нескольких взаимопересекающихся логик. Можно говорить о нелинейности цифровой трансформации, где различные метапарадигмы конкурируют за доминирование в определении будущего цифрового общества. Данный подход позволяет преодолеть дуализм «цифрового» и «аналогового», рассматривая их как взаимовлияющие элементы единого трансформационного процесса. Таким образом, в условиях радикальной дигитализации общества цифровая трансформация перестает быть исключительно технологическим процессом, становясь катализатором пересмотра метапарадигм в их множественности.

Обзор исследований показывает единое мнение о неактуальности модели модерна как научной парадигмы. Современные исследования предлагают разнообразные подходы к изучению трансформации метапарадигм в их множественности, что позволяет комплексно проанализировать устойчивость научных парадигм, в том числе модерна, в условиях множества глобальных интерпретаций.

Общество модерна в современной концепции глобализации. Дуализм универсального и партикулярного

В рамках социальной эпистемологии последние 20 лет стремительно нарастает интерес к изучению последствий глобализации, что отражает более широкий интерес к закономерностям эволюции человечества и философии истории. Современное понимание глобализации значительно изменилось и расширилось по сравнению с прежними концепциями. В частности, международная торговля, ранее игравшая ведущую роль в этом процессе, уступила свое место влиянию медиа и в особенности интернет-коммуникации так называемых *новых медиа* в социальных сетях. Культурная глобализация проявляется в двух основных аспектах:

- Во-первых, мы наблюдаем активное распространение западных индивидуалистических ценностей по всему миру. Эти ценности, поддерживаемые социальными институтами, пропагандируются как часть более широкой борьбы за права человека, проводимой на международной арене.
- Во-вторых, глобализация связана с внедрением западных «правил игры» в различных регионах. Традиционные бюрократические структуры, рационалистические подходы и ценности, такие как экономическая эффективность и политическая демократия, начали распространяться со времен европейского Просвещения. С каждым годом всё более заметным становится влияние западных идей, таких как рациональность, индивидуализм, равенство и демократичность, в разных уголках планеты.

Тем не менее параллельно нарастают противодействия данным тенденциям культурной глобализации. Так, У. Бек подчеркивает, что современность требует от нас нового понимания бытия, которое стало своего рода дизайном построения обществ для государств и транснациональных корпора-

ций. В результате традиционные ценности и элементы культуры, вложенные в локальные сообщества, теряют свою целостность в условиях глобальной унификации: «Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют „культурной глобализацией“. При этом речь идет прежде всего и главным образом о фабрикации символов культуры — о процессе, который, кстати, наблюдается уже давно» (Бек, 2001: 81).

Действительно, в современном обществе давно нарастает кризис универсализма и усиливается проблема методологического партикуляризма. Общественные науки, в том числе социальная и политическая философия, основанные на проекте модерна, который изначально нацелен на выявление универсальных закономерностей, сталкиваются с парадоксом: признание множественной причинности и акцентирование уникальности социально-политических контекстов различных обществ всё чаще интерпретируется как симптом методологического кризиса. Подобный релятивизм, отрицающий возможность объективного научного объяснения, отражает не столько сложность различных исследуемых феноменов, сколько неадекватность аналитических инструментов и методов, унаследованных от мыслителей начала XX в.

Моделирующая роль социально-философского знания в эпоху глобального постмодерна

В рамках «классического» классово-индустриального общества модерна европейская мысль конституировала социальное знание через призму нации-государства как нормативной политической формы. В частности, эта эпистемологическая обусловленность позволила К. Марксу, оставаясь в пределах дискурсивного поля Германии, использовать английскую политическую

экономию, немецкую философию и французский утопический социализм как материал для синтеза собственного учения. Однако в условиях глобализации модерна во второй половине XX в., с формированием транснациональных массивов научной и статистической информации, традиционные национальные школы социально-философского знания утрачивают автономность.

По этой причине в современном мире нации перестают быть самодостаточными субъектами исторического процесса, превращаясь в пространства аппликации универсальных социальных моделей, в которых всё упирается в унификацию научных методов и способов их реализации. Их роль сводится к частному проявлению всеобщих закономерностей, релевантных для человечества как целого. Вопреки тезису С. Хантингтона о цивилизационной идентичности как предельной форме коллективного «мы» (Хантингтон, 2003), в эпоху глобального постмодерна таковой становится именно человечество — единый онтологический и нормативный субъект общественных отношений.

Прогрессирующая рационализация общества в Новое и Новейшее время сопровождалась рефлексией в отношении элементов его становящейся структуры: различных идеологических систем, индустриального уклада, наций-государств и мн. др. Именно она стала основой исторической динамики социальной эпистемологии в условиях глобализирующегося мира. Однако унаследованные парадигмы, сформированные в эпоху доминирования национально ориентированных политических форм, сегодня оказываются неспособными адекватно описать глобальную социальную феноменологию. Перед лицом транснациональных вызовов: ценностного плюрализма и массового имморализма, экологических кризисов, технологических трансформаций, негативного влияния искусственного интеллекта на рынок труда, демографических сдвигов —

локальные проблемы утрачивают изолированность, приобретая интернациональный характер на мировой арене, часто против воли местных элит.

Современная социальная и политическая философия предлагает множество интерпретационных моделей, объясняющих процессы глобальных трансформаций: концепция постмодерна, неотрадиционализм, постиндустриальное и постматериальное общество и мн. др. Тем не менее, несмотря на возникновение альтернативных проектов, человечество — в хантингтоновском понимании — остается в границах длящегося еще с конца XIX в. модерна как доминирующей интеллектуальной базы или, вернее, рамки — набора правил игры, действующих в современности для большинства наук, в том числе и для социальной и политической философии. Этот проект продолжает задавать как морально-политический порядок, так и социально-экономические закономерности, сохраняя свою объяснительную силу в условиях усложняющейся реальности и конкуренции метанарративов.

Безусловно, эволюция социально-философского знания, основанного на модерне, требует пересмотра методологических оснований — перехода от национально-центричных моделей к глобальной эпистемологии, способной осмыслить единство и многообразие современных обществ.

Трансформирующие факторы программы модерна как множественности в концепции Ш. Эйзенштадта

Но является ли модерн настолько всеобщей и единой структурой? Как развивалась наука и в особенности социальная и политическая философия в колониях и метрополиях? Различались ли капиталистический и коммунистический модерн? Могут ли особенности политического режима, форма правления и идеологические аспекты качественно повлиять на модерн?

В условиях глобализации модерна исследовательская парадигма, акцентирующая уникальность культурных и региональных траекторий развития, находит свое наиболее последовательное выражение в концепции «множественных современностей» Ш. Н. Эйзенштадта (Eisenstadt, 2000). Анализ тезисов исследователя позволяет выделить базовые элементы культурной программы модерна, которые, несмотря на вариативность их исторических воплощений, сохраняют свою универсальную значимость.

— *Агентность и уникальность человечества*: модерн радикально трансформирует представление о месте человека в истории, утверждая его способность сознательно конструировать социальную реальность. Как отмечал М. Вебер, ключевым моментом становления модерна является кризис сакральной легитимации миропорядка: мир более не воспринимается как богоданный и неизменный, а становится продуктом человеческой деятельности. При этом не имеет значения, какие именно религиозные или традиционные системы ценностей подвергаются критике, — суть в самом факте их проблематизации. Автономия индивида порождает два взаимосвязанных следствия: плюрализм социальных ролей и включенность в наднациональные системы социального действия.

— *Трансформация политического порядка*: политическая сфера в условиях модерна утрачивает традиционные формы легитимации, открывая пространство для постоянного пересмотра и конструирования социальных норм. Центральное место занимают конфликты вокруг ценностей равенства, свободы, справедливости и идентичности, в ходе которых маргинальные темы превращаются в ключевые элементы политического процесса. Эти требования не просто артикулируются, но институционализируются, формируя легальные

механизмы разрешения социальных противоречий.

— *Реструктуризация коллективных идентичностей*: границы социальных общностей переопределяются в пользу гражданских, а не примордиальных (этнических, конфессиональных) форм принадлежности. Идентичности более не рассматриваются как данность, но становятся предметом активного конструирования в рамках политической борьбы.

— *Рационализация и ее противоречия*: универсализация рациональности, описанная Вебером как «расколдовывание мира», на практике сопровождается процессами бюрократизации и рутинизации. Как отмечает П. Вагнер (Вагнер, 2009: 12.2: 23—24), это порождает имманентные противоречия модерна: между свободой индивида и усилением государственного контроля, а также между суверенитетом личности и необходимостью подчинения коллективному благу.

Влияние западной социальной самореференции на моделирование модерна

Концепция «множественных современностей» Эйзенштадта, несмотря на ее популярность, не дает полного ответа на ключевые вызовы глобального мира, занимая промежуточное место в дихотомии цивилизационного партикуляризма и универсализма. Акцент на культурном разнообразии зачастую маскирует неспособность сформулировать универсальные этические и политические принципы модерна, необходимые для решения транснациональных проблем — от экологических кризисов до технологических рисков.

В рамках предложенной Эйзенштадтом концепции основная философская проблема современности заключается именно в ценностных координатах модерна: автономии индивида, рациональности, политической самоорганизации. Различные

национальные идеологические движения представляют собой не отрицание модерна, а попытки переосмыслить фундаментальные основы, заложенные в его структуре. Ключевой конфликт между индивидуальной свободой и коллективной идентичностью проявляется во всех культурных контекстах. При этом все эти феномены могут быть адекватно осмыслены только в рамках культурной программы модерна, поскольку именно она задает систему координат, в которой разворачивается их борьба за переосмысление базовых принципов социального устройства.

Помимо идеологических причин, существуют значительные различия в оригинальных версиях модерна и попытках построить модернистские общества вне Европы. Согласно Эйзенштадту, первая альтернативная версия модерна возникает в Северной Америке в процессе конфронтации с метрополиями (Англией и Францией). Американский опыт демонстрирует, что отказ от заимствования готовых институциональных моделей не означает отрицания модерна как такового — напротив, он приводит к созданию новой социальной самореференции.

Однако встреча западного проекта с западными культурами носила диалектический характер. С одной стороны, западный модерн обладал мощным трансформационным потенциалом, так как разрушал традиционные социальные структуры, интегрировал локальные элиты в глобальную систему. С другой стороны, этот процесс никогда не был механическим заимствованием. Локальные элиты, сталкиваясь с западным влиянием, избирательно адаптировали элементы модерна, сохраняя контроль над ключевыми ресурсами и символическими системами. Это приводило к парадоксальным результатам:

— формальное принятие институтов современности (парламентов, правовых систем) сочеталось с сопротивлением ценностному ядру модерна;

— заимствованные политические структуры наполнялись традиционным содержанием, создавая гибридные формы;

— риторика антизападного протеста зачастую использовала именно модернистские категории (суверенитет, право нации на самоопределение).

Таким образом, глобальное распространение модерна не привело к унификации, но породило множество его интерпретаций, в которых универсальные принципы переплетаются с культурной спецификой. В условиях глобализации традиционные государственные институты утрачивают монополию на нормирование политической субъектности, уступая место новым формам коллективной идентификации, в особенности массмедиа. Этот процесс сопровождается появлением альтернативных социальных движений (феминистских, экологических, религиозно-фундаменталистских, этнокультурных), которые формируют новое пространство политической субъективации, выходящее за рамки национальных границ, а также переопределяют параметры политической легитимности власти элит.

При этом существует своего рода парадокс антимодернистского модернизма: характерно, что указанные движения, несмотря на часто декларируемую оппозиционность западному модерну, фактически воспроизводят его базовые принципы:

— убежденность в возможности сознательного преобразования социальной реальности;

— проблематизацию соотношения универсального и партикулярного;

— критическое переосмысление традиционных форм легитимности.

Таким образом, антимодернистская протестная риторика не столько отрицает модерн, сколько оспаривает западную монополию на его интерпретацию, что вызывает характерную реакцию отторжения со стороны традиционных апологетов модернизационной теории.

От критики концепции социально-политической множественности моделей модерна до авторской классификации общественно-культурных метапарадигм

Во многом концепция социально-политической множественности моделей модерна (в теории Эйзенштадта и его сторонников) пытается адаптировать устаревшую цивилизационную модель, а если точнее — теорию локальных цивилизаций А. Тойнби (Тойнби, 2001), к условиям глобализации, что приводит к концептуальным противоречиям и неспособности объяснить синхронность модернизационных процессов в различных культурных контекстах. Поэтому наряду с достоинствами, подход к рассмотрению модерна как множественности обладает следующими недостатками: создает серьезные методологические проблемы для социальной и политической философии, затрудняет выявление универсальных закономерностей современности, во многом сводит анализ к описанию культурных особенностей, а также блокирует возможность концептуализации глобальных вызовов.

Таким образом, концепция множественности современностей (в оригинале *Multiple Modernities*), сохраняя внешнюю привлекательность как альтернатива евроцентричным моделям, фактически воспроизводит их основные недостатки, лишь инвертируя их оценочные критерии. А самое главное, данная концепция не смогла преодолеть дуализм универсального и партикулярного: декларируется множественность, но не объясняется, почему все эти варианты относятся именно к модерну, а не к постмодерну, метамодерну и т. д.

Поэтому нам следует пойти дальше и расширить объем знаний в концепции до множества постсовременностей, или постмодернов. Отдельно стоит рассмотреть общества множественности метамодернов и пре-модернов, существующих в наше время, а также «радикальные», или, вернее, депривиро-

ванные версии обществ, которые находятся в этой форме благодаря комплексу факторов, которые они не могут преодолеть.

Предлагаем авторскую философскую классификацию научно-культурных метапарадигм, уникальных для множества отдельных современных обществ:

- Общества пре-модернов: в этих странах не происходила полноценная индустриализация, здесь никогда не было железных дорог, столицы этих обществ представляют собой маленький островок модерна, окруженный неофеодальными землями. В таких обществах наука и философия сегментарны и преимущественно занимаются копированием знаний из других более развитых обществ, без должной адаптации. Государственный аппарат настолько слаб, что не может полноценно контролировать все регионы страны. В качестве примеров можно назвать такие страны, как Папуа — Новая Гвинея, Афганистан, Центральноафриканская Республика.
- Общества модернов: во главу угла в данных обществах ставится стремление к централизованному управлению, универсальным нормам, идеологическому упорядочиванию, что соответствует классическому философскому пониманию модерна и выделяется на фоне более фрагментированных и релятивистских парадигм постмодерна или метамодерна. Например, Иран сочетает традиционную религиозную систему с модернистскими проектами преобразования общества под руководством теократической власти, которая претендует на единую идеологическую метапарадигму. Другие примеры: КНР, Венесуэла.
- Общества депривированных модернов: эти страны вместо перехода к постиндустриальной экономике, науке и культуре искусственно «консервируют» институты общества модерна, при этом создают альтернативные методы и инструменты,

- позволяющие заморозить общественно-политическое развитие общества, однако при этом они поддерживают минимальный рост экономики с помощью копирования отдельных сегментов научного знания более развитых стран. Примеры: КНДР, Туркменистан, Эритрея.
- Общества постмодернов: этим обществам свойственны скептицизм к универсальным ценностям, множественность интерпретаций и деконструкция больших нарративов — ключевые признаки постмодерна. В их культурном и политическом пространстве доминирует плюрализм, интерпретационная субъективность и гибкость смыслов. Так, на постсоветском пространстве наблюдается деконструкция советских нарративов, отсутствует единая доминирующая идеологическая парадигма, которая характерна для модерна, а также проявляется множественность интерпретаций национальной идентичности, истории (в таких странах часто большое влияние на повестку оказывают последствия гражданской войны, если она была). Примеры: Россия, США, Босния и Герцеговина.
  - Общества депривированных постмодернов: эти государства (или регионы, которые в прошлом были в составе более крупных государств) ранее успешно строили общество модерна или постмодерна, но ввиду ряда негативных факторов (войны или тяжелых экономических кризисов, санкций и юридического непризнания в некоторых случаях) находятся в крайне сложном положении, однако приобретают или сохраняют (как Ливан) элементы стран постмодерна. Например, в Абхазии значительная часть экономики держится на майнинге и туризме, при этом нарративы фрагментарны и множественны, отсутствует единая сильная метапарадигма, выражена политическая и социальная нестабильность. Примеры: Ливан, Ливия, Абхазия.
  - Общества метамодернов: эти страны демонстрируют интеграцию традиций, развития и глобальных ценностей, ищут новые смыслы и балансируют между противоположными подходами. В отличие от постмодерна, который характеризуется скептицизмом и фрагментацией, они проявляют конструктивный синтез и поиск общего смысла, что свойственно метамодерну. Если, например, рассматривать Японию как пример такого общества, то она показывает интеграцию традиционных ценностей и современных вызовов и технологий, а также баланс между коллективизмом и индивидуализмом. Для таких обществ характерно преодоление конфликта между модернистским прогрессом (выраженным в успешной постиндустриальной экономике) и консервативной культурой, в них ценности могут сосуществовать в диалоге. Примеры: Япония, Сингапур, ОАЭ.
  - Общества депривированных метамодернов: подобно другим радикальным формам, скорее всего эти общества будут экономически успешными и культурно развитыми, но слабыми в части государственных институтов или международно непризнанными. К таким государствам, например, уже сегодня можно отнести Тайвань. Скорее всего, мы сможем увидеть больше таких обществ во второй половине XXI в.

Заключение

Подводя итог анализу реального состояния знаний об общественно-культурных метапарадигмах, акцентируем внимание на необходимости эпистемологического переосмысления теоретического аппарата социальной и политической философии, так как теория «множественности современностей» Ш. Эйзенштадта во многом устарела и требует кардинального пересмотра. Дифференциация обществ по научно-культурным парадигмам позволила нам выявить противоречие между универсализмом

модернизационных процессов и культурным партикуляризмом. Таким образом, результат историко-философского анализа трансформации общественных метапарадигм и логико-эпистемологический подход к типологии метапарадигмальных форм дает нам право считать ложным предположение о том, что модерн остается ключевой аналитической категорией, но требует учета его плюралистических форм в условиях глобализации. Основные актуальные теории множественности общественных парадигм, несмотря на попытку преодолеть евроцентризм, сохраняют цивилизационный редукционизм и не снимают дуализм универсального и партикулярного.

Список литературы и источников / References

- Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию*. Пер. с нем.: А. Григорьев, В. Седельник. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 303 с.
- Beck Ulrich. *Was ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus — Antworten auf Globalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 269 S. (In German).
- Вагнер П. «Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма». [Пер. с англ. рукописи автора: А. С. Меньшиков]. *Журнал социологии и социальной антропологии* 12.2 (2009): 21–57. EDN: LDGYWD.
- Wagner P. “The Political Form of Europe — Europe as a Political Form”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology* 12.2 (2009): 21–57. (In Russian).
- Тойнби А. Дж. *Постижение истории*: избранное. Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. Под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича. М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2001. 637 с.
- Toynbee Arnold J. *A Study of History*. Comp. Jane Caplan. [Abridged one-volume ed.]. London: Oxford Up; Thames and Hudson, 1972. 576 p.
- Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*: монография. Пер. с англ. Ю. Новиков, Т. Велимеев. Под общ. ред. К. Королева. М.: АСТ, 2003. 608 с. Philosophy. EDN: TUPBER.
- Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. 1996. New York: Simon & Schuster, 2011. 368 p.
- Bogert J. M., Ellers J., Lewandowsky S., Balgopal M. M., Harvey J. A. “Reviewing the Relationship Between Neoliberal Societies and Nature: Implications of the Industrialized Dominant Social Paradigm for a Sustainable Future”. *Ecology and Society* 27.2 (2022): 7. <https://doi.org/10.5751/ES-13134-270207>
- Chakrabarty D. *The Climate of History in a Planetary Age*. Chicago: U of Chicago Press, 2021. 296 p.
- Eisenstadt S. N. “Multiple Modernities”. *Daedalus* 129.1 (2000): 1–29.
- Ingvarsson J. “Digital Epistemology: An Introduction”. *Towards a Digital Epistemology: Aesthetics and Modes of Thought in Early Modernity and the Present Age*. By J. Ingvarsson. 2nd ed. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 1–28. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78724-0_1
- Reckwitz A. *The Society of Singularities*. Transl. V. A. Pakis. Cambridge: Polity, 2020. 400 p.
- Sousa Santos B. de. *The End of the Cognitive Empire: The Coming of Age of Epistemologies of the South*. Durham: Duke Up, 2018. 392 p.
- Taylor Ch. *The Ethics of Authenticity*. 1991. Cambridge, MA: Harvard Up, 2018. 160 p.
- Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Ya., Bhattacharya A., Dong J. Q., Fabian N., Haenlein M. “Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda”. *Journal of Business Research* 122 (2021): 889–901. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>

Информация об авторе

Теплов Марк Владимирович — аспирант 1 курса направления 5.7.7 Социальная и политическая философия Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2), *markteplov21@gmail.com*, ORCID: 0009-0004-9646-0091.

Information about the author

Mark V. Teplov — 1st year Postgraduate Student at the Direction 5.7.7 Social and Political Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A, bldg. 2), *markteplov21@gmail.com*, ORCID: 0009-0004-9646-0091.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025, одобрена после рецензирования 26.08.2025.
The article was submitted 24.07.2025, approved after reviewing 26.08.2025.